

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.3

ДИСКУРС И ВЛАСТЬ В КОНЦЕПЦИИ М. ФУКО: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Е.В. БЕЛЯЦКАЯ

(Белорусский государственный университет, Минск)

Современный человек, даже когда считает себя свободным, сталкивается при попытке осуществления этой свободы с необходимостью осознания себя как радикально несвободного социально-детерминированного существа. Согласно М. Фуко, власть не сводится к государственной только власти, он считает, что отношения власти существуют и проходят через множество других вещей, и они существуют во всех аспектах социального дискурса. М. Фуко рассматривает власть не как совокупность институтов и аппаратов, которые будут гарантировать подчинение граждан в каком-то государстве, а как всеобщую систему господства, которое осуществляется одним элементом или группой элементов над другими, и результаты этого действия проходят через ряд последовательных ответвлений и пронизывают все социальное тело. Соответственно, под властью в большей степени следует понимать множественность отношений силы, которые находятся в той области, где осуществляется конституирование для организаций и сложных стратегических ситуаций в обществе.

Ключевые слова. *власть, дисциплинарная власть, власть-знание, биополитика, дискурс М. Фуко.*

Введение. М. Фуко считал, что действительность современного человека, которая ему кажется однозначной и абсолютно реальной, принимаемой как должное, не задана изначально и не существует неизменно. Реальность формируется исторически. Рассматривая в своих работах такие учреждения, как тюрьмы, больницы, их историю, а также историческое отношение к телесности и изменяющимся нормам, которые ее регулировали, М. Фуко писал, что эти законы, нормы и учреждения не являются естественными. Они возникали в результате определенных социальных отношений и в конкретных структурах распределения власти.

В XVIII в. формируется представление о дисциплинарной власти, которое основывается на определенном четком расположении индивидов в пространстве. У каждого подобного замкнутого локуса существуют свои законы и порядки, а также принцип создания разграничений, т.к. это позволяет осуществлять более полный контроль над каждым отдельным индивидом, а также их совокупностью. Так, закрепленное за индивидом место становится и его рангом, т.е. местом в классификации системы дисциплинарной власти. Формирование подобного дисциплинарного пространства и осуществление надстройки дисциплины как таковой приводит к формированию ячеек и последовательностей, за счет которых дисциплинарная власть себя осуществляет.

«Фуко противопоставляет свое понимание власти тому, что он называет «юридической» моделью власти, отождествляющей последнюю с законами. При таком понимании власть оказывается простым ограничителем свободы, границей ее осуществления. При этом из поля зрения уходят разнообразные и тонкие властные отношения, пронизывающие все современное общество. Их роль заключается не в том, что они ограничивают какие-то проявления свободы, а в том, что они порождают известные типы деятельности и коммуникации, определяя с содержательной стороны жизнь общества и людей» [6, с. 62].

Основная часть. Для раскрытия данного концепта М. Фуко ввел важную тему власти-знания, которая показывает, что личность, находясь в пространстве и подчиняясь правилам локуса, становится объектом отношений власти, а, соответственно, и объектом надзора и контроля. Знание в данной концепции М. Фуко выступает как осуществление целей и задач власти, а также как способ обнаружения того, как власть видит объекты в своем подчинении. Как познание формирует свой предмет, так же и власть формирует свой объект и свое поле дисциплины [3]. Т.е. для власти личность является не как вещь в себе, а как явление в определенных дисциплинарных полях, хотя ее объект не знает об этом. Таким образом, для М. Фуко власть выходит за пределы дисциплинарных институтов и проникает во все отношения между людьми, во все общество. Становление данной системы власти приводит к изменению научного дискурса, в особенности дискурса о жизни за счет развития и расширения технологий власти, в которых усилилась роль норм в результате принятия законов [6].

С точки зрения М. Фуко, дискурс – это не поле, которое создается с отношением слов и вещей, а совокупность правил, которые образуют практики. Те, в свою очередь, постоянно образуют объекты, о которых говорят, и значение имеют именно функциональные условия высказывания. Правила дискурса определяют существование реальности как порядок объектов, т.е. диспозитив и, соответственно, если говорить о проблеме концептов, они не прибегают к анализу их содержания. «Таким образом, услужливый и внимательный дискурс должен следовать всем изгибам линии соединения души и тела: под поверхностью грехов он выявляет непрерывные прожилки плоти. Под прикрытием языка, который пекутся очистить так, чтобы секс в нем больше

не назывался прямо, бремя заботы о нем берет на себя – и устраивает нечто вроде облавы на него – дискурс, претендующий на то, чтобы не оставить сексу ни одного укромного местечка и не дать ему перевести дыхание» [2, с. 114].

С точки зрения автора, важнее выйти на надконцептуальный уровень, т.е. на правила формирования этих концептов, которые позволят понять заданную форму последовательности и доказательности, и, соответственно, осуществить связь с другими концептами и объяснить возможные вариации в рамках одного дискурсивного поля.

При изучении дискурса основное – это изучение высказывания в его единичности и ограниченности. С условиями выявления сущности его существования, когда он фиксирует границы и корреляции с другими высказываниями, необходимо обращать внимание на прерывность и противоречия [6]. С точки зрения М. Фуко, так можно увидеть высказывание в его узком и уникальном условии употребления и определить условие существования, чтобы обозначить границы и установить общность с другими высказываниями, которые могут быть с ним связаны. Таким образом, можно увидеть механизм исключения других форм выражения. Общей целью анализа является показание дискурсов эго-идентичности с возможностью ответа на вопрос: почему нельзя высказать данные смыслообразования иначе. Находка М. Фуко заключается в том, что дискурс, т.е. то, как мы говорим, неотделим от обращения с объектами, т.е. от практик. «Важным, быть может, является не уровень полагания или мера подавления, но форма реализующейся власти» [2, с. 139].

М. Фуко является источником знания и историком настоящего, при этом его историзм весьма специфичен. Он считает, что историчность человеческого сознания является глубинной характеристикой эпохи, которая не осознается самим человеком. И в этом заключается основная причина обращения к классической эпохе, потому что внутри эпохи человек не осознает ее сущность. Традиционная история, с его точки зрения, основывается на представлении о заданном субъекте познания, за счет которого можно раскрыть истину. Но при этом М. Фуко свою задачу видит в том, чтобы проследить формирование субъекта в недрах истории. Человеческий субъект не является изначальной данностью, а совершаемые им действия и смыслы, которые он приносит в мир, социально детерминированы соответственно [2].

Полный смысл бытия раскрыть невозможно, потому что в нынешний момент человек является тем, что сам познать не может. Соответственно, действительность, в которой живет современный человек и которая представляется этому человеку как что-то несомненное и само собой разумеющееся, на самом деле, даже с учетом этого человека, не является чем-то изначально заданным и существующим отдельно от природы. Она формируется историческим объектом познания и, таким образом, неотделима, с точки зрения М. Фуко, от формальных рамок, которые познаются. Этими рамками обозначается дискурс вместо общих идей, которые инвариантны для разных эпох. Более правильно говорить о вариациях признаков, характеры которых меняются в зависимости от эпохи. Соответственно, объекты доступны познанию только через представления, которые меняются в зависимости от исторического процесса, и объявить вещь в себе от дискурсов, в которые она включена. Необходимо выявить единичные события и при этом отрешиться от монотонной целесообразности. Истории присущи не только эволюционное и поступательное развитие мысли, но и кумулятивность историчной образности. И каждый исторический период в каждом географическом регионе мысль человека характеризуется своеобразием и уникальностью соответственно [1].

Подход М. Фуко отрицает историцизм, пытаясь преодолеть сознание времени, которое присуще модерну, т.е. его характеристикой является наделение привилегированным статусом современности. Она выделяется под давлением проблемы ответственной встречи будущего, которое нарциссически связывает себя с прошлым. Также он выступает против историографии, больше использует генеалогический метод, который основывается на поиске не одного происхождения, а случайных начал дискурсивных формаций, и производит анализ реального многообразия истории, а также его происхождения как следствия, т.е. размножение идентичности историографического субъекта и его современников [2].

Власть напрямую связана с проблемой дискурса в истории и выделяет три основные процедуры внешне-исключения дискурса, которые в большей степени касаются процедур власти и желания. Самый распространенный в области телесной сферы политики является запрет, а также разделение, отбрасывание и оппозиция истинного и ложного, которую М. Фуко обозначает как волю к истине. «Фуко хорошо понимает, что иллюзия всеобъемлющей самореферентности власти, прозрачной для самой себя, порождает иллюзию человеческого “самосознания”; что иллюзия всеобъемлющей управляемости власти, способной к самоконтролю, порождает иллюзию “прав человека”; что, наконец, иллюзия всеобъемлющей нормативности власти, исполняющей те правила, которые она сама себе предначертала, порождает иллюзию “нормальности”, насаждаемой самыми разнообразными властными практиками (причем тем последовательнее, чем более широко простирается их влияние). Вопреки всем этим иллюзиям, философ утверждает, что власть – это только имя, только название некоей стратегической ситуации, связанной с расстановкой сил в определенном сообществе» [1, с. 4].

Существуют также внутренние процедуры регулирования этого дискурса, а именно: практика комментирования, которая создает иерархию уровней дискурсов, также феномен автора, потому что он является центральным источником первоначальной целостности и возникновения, и существование дисциплин, т.к. они представляют собой принципы контроля над производством дискурсов в этих процедурах. Суще-

ствуют контролирующие и репрессивные потенциалы. Также М. Фуко отмечает еще группу процедур по регулированию доступа субъектов к какому-либо дискурсу. Она состоит из дискурсивных сообществ, точнее дореальных практик социального присвоения дискурсов. Существует несколько групп контроля, которые распространены в нашем обществе и которые приводят к восприятию дискурса как игры ограничений и исключений, а также отвержения его реальности, т.е. возможность реального самостоятельного существования дискурса М. Фуко называет единственно возможным, но при этом говорит о том, что необходим анализ этого тезиса через изучение истории и истории дискурсивных практик [2].

Чтобы решить ключевые задачи, т.е. усомниться в реальности воли к истине, присвоить событийный характер дискурсу и закончить с приматом означающего, он вырабатывает ключевые принципы своей методологии. «Речь, стало быть, идет о том, чтобы принять эти диспозитивы всерьез и обратить направление анализа: нужно исходить, скорее, не из общепризнанного подавления, не из невежества, измеряемого тем, что – как мы полагаем – мы знаем, но из этих позитивных механизмов, производящих знание, умножающих дискурсы, индуцирующих удовольствие и порождающих власть; нужно проследить условия их появления и функционирования и попытаться установить, как распределяются по отношению к ним связанные с ними факты запрещения или сокрытия. Речь идет, короче говоря, о том, чтобы определить стратегии власти, которые имманентны этой воле к знанию. И на частном примере сексуальности конституировать “политическую экономию” воли к знанию» [2, с. 174].

В связи с этими задачами в первую очередь он занимается принципом переворачивания, которой обозначает обнаружение рассмотренного в процедурах контроля дискурса негативной функции. Также он рассматривает принцип прерывности, который заставляет раскрывать дискурс как прерывные практики, которые взаимодействовать могут лишь потенциально, и принцип специфичности, который дискурс и его регулярность рассматривает в виде самих по себе практик, и принцип внешнего, который требует от проекта исследования двигаться от анализа дискурса к внешним его проявлениям.

Воля к истине, в свою очередь, ориентирована на продуцирование истины определенного типа, который санкционирован культурой, в которой находится субъект, и процессуальность ее разворачивается как линейный вектор именно по отношению к истине. Таким образом, воля к истине трактуется постмодернизмом как интерпретационная насилья над предметностью, т.е. она имеет тенденцию оказывать давление на другие дискурсы. Принудительное на них действие, с точки зрения М. Фуко, как реализация воли к истине, сопряжено с глубинными характеристиками культуры западного типа и может быть рассмотрено в качестве феномена. Природа этого феномена выступает принципиально линейной сущностью, т.е. ее процессуальность имеет место только в случае, когда можно не делать ничего другого, а только разворачивать то, что уже есть у тебя в сознании. И в этом контексте истина упакована, помимо той, которую можно конституировать в контексте доминирующих в данной культурной среде метанараций, в сложившуюся картину мира в соответствующих дисциплинах и адаптированную к системе аксиологических шкал воли к истине. Она ставит себя на службу истине и, скрываясь в этом служении, существует в ущерб по отношению к истине. При этом М. Фуко считает, что такая заданная исходными правилами познавательного канона истина будет оправдывать запрет собственного развития, потому что это истина, считающая себя с окончательно готовым критерием любой адекватности. Соответственно, нет ничего более не прочного, чем предписывать эту истину. Она не безразлична и для разворачивания философской традиции деформируется во многом именно за счет принципиальной своей линейности, однозначности и узости. Видение истины как таковой, как подлинной сущности. При этом статус воли к истине как объективного феномена оказывается изоморфной в статусе мифологии в традиционной культуре. Она самодостаточна в своем функционировании, пока не поставлена под сомнение [2].

Таким образом, можно сказать, что власть в концепции М. Фуко говорит о том, что она существует во всех формах и происходит постоянная борьба видов власти между собой. «Перед лицом власти, являющейся законом, субъект, который конституирован в качестве такового, т.е. “подчинен”, – есть тот, кто повинуется. Во всем ряду этих инстанций власти формальной ее гомогенности на полюсе того, кого власть принуждает – будь то подданный перед лицом монарха, гражданин перед лицом государства, ребенок перед лицом родителей или ученик перед лицом учителя, – соответствует якобы всеобщая форма подчинения. Законодательная власть – с одной стороны, и повинующийся субъект – с другой.

За общей идеей власти, подавляющей секс, как и за идеей закона, конститутивного для желания, можно обнаружить одну и ту же предполагаемую механику власти. Она определяется странно ограничительным образом. Во-первых, потому что власть эта, вроде бы, бедна ресурсами, экономна в своих приемах, монотонна с точки зрения используемых тактик, неспособна на выдумку и как-будто приговорена всегда воспроизводить саму себя. Далее, потому что эта власть обладает якобы одной-единственной силой: силой говорить “нет”. Будучи не в состоянии что-либо произвести, способная только устанавливать ограничения, она, вроде бы, по самой сути своей является антиэнергией. В этом, кажется, и заключен парадокс ее действительности: ничего не мочь делать кроме того, чтобы то, что она себе подчиняет в свою очередь не могло ничего кроме того, что она ему позволяет. И, наконец, потому что это есть власть, преимущественной моделью которой является будто бы юридическая модель, центрированная лишь на высказывании закона и на действии запрета. Все формы господства, покорения и подчинения сводятся в конечном счете будто бы к эффекту повиновения» [2, с. 184].

Данный феномен проникает во все социокультурные аспекты и его можно трактовать как содержащий внутри себя власть. М. Фуко противостоял мифологии в любых ее проявлениях, и он считал, что нужно противостоять фетишизации и философии в политике, потому что это сопротивление фетиша включает в себя сопротивление самому себе, а именно: заботу о себе. Критическая тенденция может стать новой мифологией и ее тоже нужно подвергать критике и деконструкции, чтобы не впасть в самолюбование. Общественному строю не присуща социальная справедливость. Власть не может быть ни целью, ни средством установления справедливости. И целью здравомыслящего человека является именно этика и статическое сопротивление власти общества. Она не представляет собой органическое целое, которое опирается на какие-то моральные традиционные биологические ценности [4].

Таким образом, социально-историческое бытие основывается на многообразном целом, которое сочетает в себе противоположные друг другу доминанты. При этом различные, существующие друг с другом. А для того чтобы раскрыть структуру мышления и определить рамки концепции определенной эпохи, свойственной для него, М. Фуко использует археологию. Для достижения этой цели необходимо изучение подлинников документов определенного исторического периода, и сама археология представляет собой вариант строгого анализа дискурса. Т.е. она занимается его исследованием, чтобы понять его рамки и представить дискурс не как совокупность законов, а как практики, которые образуют объекты, о которых они говорят.

За счет такого метода, во власти М. Фуко выделяет два типа: власть-господство и дисциплинарная власть. Дисциплинарная власть характерна не только для общества последних веков, она существовала и в первых монастырях, начиная с XVI века, за счет возникновения разнообразных дисциплинарных практик. Но именно с конца XVII века дисциплина начинает определять режим существования власти, и классические дисциплинарные институты формируются только в начале XIX века. М. Фуко считает, что агентами власти, которые практикуют дисциплину, становятся медики, психиатры, эксперты, организаторы промышленного производства. «История сексуальности, если центрировать ее на механизмах подавления, предполагает два разрыва. Один – в XVII веке: рождение главнейших запретов, придание значимости исключительно взрослой и супружеской сексуальности, императивы приличия, обязательное избегание тела, приведение к молчанию и императивные стыдливости языка; другой – в XX веке (меньше, впрочем, разрыв, нежели отклонение кривой): это момент, когда механизмы подавления начали будто бы ослабевать; когда будто бы совершился переход от непреложных сексуальных запретов к известной терпимости по отношению к до- и внебрачным связям; когда будто бы ослабла дисквалификация “извращенцев”, а их осуждение законом отчасти сгладилось; когда табу, тяготевшие над детской сексуальностью, по большей части оказались якобы снятыми» [2, с. 218].

В основной работе, которая посвящена обозначенной проблематике, в первом томе «Воля к знанию» М. Фуко стремится показать, как в западном обществе формируются особый исторический тип телесности и субъект как носитель этого опыта. Он излагает свою микрофизическую теорию власти в данной работе, и в подобной интерпретации власть становится диффузной материей, которая совпадает с областью человеческих отношений. Власть в современную историю стремится максимально сконцентрироваться вокруг человеческого тела и создать особые диспозитивные специальности. Она сама создает телесность. И можно говорить, что власть и телесность противостоят друг другу и находятся в одном дискурсе. В поле практики главной функцией живости является нормализация общества, и, начиная с XIX века, за счет медицины и психиатрии увеличивается количество дискурсов о теле и диспозитиве телесности. Секс оказывается особым спекулятивным элементом, который порожден современным политическим диспозитивом телесности [2].

Заключение. Субъект производится дискурсом, но этот процесс объективации не предполагает под собой полного замыкания идентичности и установления ее раз и навсегда. Т.е. дискурс, он и многомерный, и подвижный, и в процессе объективации человек может противопоставлять свою стерилизацию, т.е. практику формирования себя. Таким образом, дискурс предстает как динамичная наддискурсивная позиция, которая находится в пространстве реляционных, соединенных друг с другом значений. Они же, в свою очередь, стремятся образовать стабильную систему, но в реальности не способны образовать ее в полном смысле.

В настоящее время проблематику расширения дискурса власти и осуществления практик власти-знания можно проследить на примере пандемии коронавируса, начало которой датируется декабрем 2019 г. Только 30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения официально объявила вспышку нового вируса чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение. Меры, которые принимали президенты и высокопоставленные чиновники, по сдержанию заболевания в разных странах отличались друг от друга степенью строгости, длительностью и пр. Но именно в данных условиях очевидно пронизывающее осуществление власти в различных дисциплинарных полях, в социуме как таковом, как в живом организме, мыслящем и обладающим инструментами для контроля, надзора и наказания. Власть-знание в полной мере проявило себя как власть, реализовавшаяся в форме особого знания о людях, которые включены в производство и осуществление властных структур. Происходившие события привели к очередному пересмотру дискурса свободы личности и биополитических концепций М. Фуко. Дисциплина тела и выработанный в XVIII в. дисциплинарный механизм по предотвращению распространения инфекций в полной мере предоставили возможность власти продемонстрировать свои основные инструменты для удержания контроля. Однако, с точки зрения М. Фуко, у индивидов остаются экономическая свобода, а эмпирические меры в виде вакцина-

ции позволяют власти отказаться от полного непрозрачного контроля и грубого способа ликвидации нарушителей и патогенов [4]. Так, власть разрабатывает стратегии для того, чтобы научиться сосуществовать с нарушителями и развивать медицинские программы, которые также имеют дисциплинарный характер. Конечно, существуют и страхи, что человек изменится за счет появления новых реалий и локусов в трансформирующемся дискурсионном поле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашкерев, А.Ю. Проблема взаимоотношений человека и власти в работах Мишеля Фуко / А.Ю. Ашкерев // Вестн. РАН. – 2002. – № 3. – С. 241–244.
2. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет : [пер. с фр.] / М. Фуко ; сост., коммент. и послесл. С. Табачниковой. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
3. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко ; пер. с фр. В. Наумовой под ред. И. Борисовой. – М. : Ad Marginem, 1999. – 480 с.
4. Фуко, М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / М. Фуко ; пер. с фр. А.В. Дьякова. – СПб. : Наука, 2010. – 448 с.
5. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. – СПб. : А-сид, 1994. – 408 с.
6. Сокулер, З.А. Концепция «дисциплинарной власти» М. Фуко / З.А. Сокулер // Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб. : РХГИ, 2001. – С. 58–82.

Поступила 18.11.2022

**DISCOURSE AND POWER IN FOUCAULT'S CONCEPT:
POINTS OF INTERSECTION**

E. BELYATSKAYA
(Belarusian State University, Minsk)

Modern man, even when he considers himself free, is confronted, when trying to exercise this freedom, with the necessity to realise himself as a radically unfree socially determined being. According to M. Foucault, power is not reducible to state power alone, he believes that power relations exist and go through many other things. And they exist in all the aspects of social discourse, which means that he does not regard power as a set of institutions and apparatuses, which will guarantee subordination of citizens in any kind of state. Rather, the author views power as a universal system of domination, which is exercised by one element or group of elements over another, and the results of this action go through a series of successive branches and permeate the entire social body. Accordingly, power is to be understood more as a plurality of power relations that are in the realm where constitution for organisation is also exercised, and these are complex strategic situations in society [1].

Keywords: *power, disciplinary power, power-knowledge, biopolitics, discourse. M. Foucault.*